

и демократов допекло. Коммуны свалили, страну разворовали, население успешно развращается и спаивается, но всё как-то тревожно: у подъездов постреливают, и убиют, вот что — канальство, досадно, не находят. Держинский бы нашёл. Он бы, конечно, ещё за компанию сотню-другую пришил, но это же другой разговор...

Диссиденты всегда были, будут и всегда будут недовольны. И кто сказал, что возможен рай на земле? Первые утописты, вторые коммунисты, третьи...? Да, демократы. Обещали же. Вот идеологии не будет, вот будет рынок, тут-то наши слёзы и высохнут. А вышло — жизнь стала куда тяжелее, чем была.

А Запад чему научен трудами Солженицына? Как и не было Вермонта, говорится в последнем телефильме «Узел», но ведь и для Запада, как и не было никого в Вермонте. В том же «Зёрнышке» описание первого после высылки появления на Западе. Не хочется к репортёрам, а всё равно надо идти. И пошёл, уже вставленный в заготовленную нишу антисоветской пропаганды. Но писательское зрение всё ещё остро, подмечает, как немолодой фотограф, пятая, хлопается на спину, жалко.

Запад выветрил из писателя художника. Наизусть знающему «Захара Калиту» уже такого же, или хотя бы чуть послабее, не дожидаться. Превозносительная учительная сила водит пером писателя. Перестав насканивать на Шолохова, разбирает Чехова. Из недавнего: «Окунаясь в Чехова» (тот же «Новый мир», № 10): очень требовательно взыскивает с классика, надо

бы Антону Павловичу писать «строже, лаконичней, подразумеваемой. Но тогда не писали иначе, это в XX веке научились». Тут вроде и не смеешь думать, что, может быть, наоборот, разучились. «А словесных, корневых, ярких русских — у Чехова почти не бывает (от южного детства?)» — спрашивает в скобках ростовский собрат по перу.

Заговоривши о языке, обратимся к языку и самого чеховского исследователя. Вот из «Ракового корпуса», без комментариев. Издание 1991 года с аннотацией: книга с «восстановленными доцензурными текстами, заново проверенными и исправленными автором». Цитаты: «Она одними только алчными огневатыми губами протасила его сегодня по Кавказскому хребту». Снова о губах, вскоре они уже «намятые поцелуями до огрублости». А вот «расширительный словарь», создаваемый, по словам автора, тридцать пять лет. Это как доказательство, что русские глаголы терпят любые приставки. И почему мне верить, что «дрязг, дром» — это «сушняк в лесу, нанос»? «Мерекать» всегда было «соображать». Тут расширения нет. А расширение «мерковать — раскидывать умом — очень головное, никогда не привьётся». Так я мерекую.

Кто же в России жил не по лжи, на кого надеяться? На земство? Нет. Занимаясь историей образования в России, ясно видишь, что именно земство задушило церковно-приходские школы, это высочайшее заведение, где воспитание и образование были нераздельны. На учителей надеяться? Тоже нет. Кто, как

не Учительский союз в начале века, ещё до милоковской Думы, до большевиков высказался за изгнание священнослужителей из русской школы, именно этот Учительский союз, разогнанный большевиками в 1918 году в благодарность за помощь в 1904-м. Нет, надеяться не на кого, только на Бога. Да это и прорывается во многих трудах Солженицына. Именно верующие в «Архипелаге» живут не по лжи, только они могут сохранять образ и подобие Божие в человеке в самых невероятных условиях.

Но и с церковью у юбиляра своеобразные отношения. Он и её учит. Выступая на Рождественских чтениях, в присутствии патриарха Солженицын упрекает православную церковь (именно так, не священноначалие даже, что модно для нашей госпожи интеллигенции, а церковь, которая всегда та же, Христова, как и Христос, чьё тело церковь являет). Говорит об осовременивании богослужебного языка. Ну ладно, это мы слышали уже от Аверинцева, от Лихачёва, но слышать от Солженицына, описавшего с таким сочувствием страдания православных? На каком же языке они молились? На осовремененном? Нет, на том же, что и преподобные Сергей и Серафим. Помню, как резануло православных именно это место о переводе богослужения на современный язык в телебеседе Никиты Струве и Солженицына. Струве можно понять, всю жизнь в Париже, но мы-то в России.

Церковь никому ничего не должна, это твердыня, это скала, на которой единственно может быть основано спасение

России. Уж чего только не перепробовано во всех веках кончающегося тысячелетия: конституции, республики, демократии, революции, битвы за свободу, которые обязательно ввергали в новую несвободу и новую борьбу за свободу... Церковь говорит о свободе как о данной Богом человеку возможности созидать себя по образу и подобию Божию. От этого созидания всё: спасение души, спокойствие жизни, её осмысленность. Возрождение России единственно возможно под духовным водительством православной церкви. Иудейская страна, некогда цветущая, погибала, когда в неё Промыслом Божиим явился Спаситель. И она бы спаслась, если б послушала Его. Не послушала и вскоре погибла под развалинами иерусалимского храма.

Солженицын — личность независимая. Признак независимости — никому не старается угодить. Только себе.

Вспомним уничтожительное отношение юбиляра к Шолохову. Тут аналогия с Толстым, которому мешал жить Шекспир. Оба они, и Солженицын и Толстой мнили себя главными в веке XX, а может, и в остальных. Не получилось: зависть, претензии на звание лидера русской (художественной, философской, научной) всё равно осадят. Может быть, на какое-то время, да. Но Россия живёт в вечности.

* * *

Написано это было к 80-летию писателя. Сейчас раздувается юбилей уже столетний. Я перечитал, и ничего не дописываю. Подсократил только.

Диалоги с непростым собеседником

Недавно увидела свет книга Бориса Иванюка «Диалоги с г-ном Текстом», название которой является аллюзией на эссе Поля Валери «Вечер с господином Тэстом»

Герой французского эссеиста — воплощение парадокса. «Уже двадцать лет, как у меня больше нет книг, — надменно заявляет персонаж, созданный воображением Поля Валери. — Я съжг также и свои бумаги. Я сохраняю лишь то, что хочу». Как и Поль Валери, доктор филологических наук, профессор Елецкого университета Борис Иванюк в своей монографии увлечён интеллектуальной игрой со смысловыми оттенками художественного слова. Подчеркнём, что слово «Текст», вынесенное в заглавие книги, автор монографии пишет с большой буквы, словно и впрямь ведёт мысленный диалог с живым персонажем. Таких мысленных собеседников у профессора — целая галерея, знакомая нам со школьной скамьи.

Эта галерея художественных образов наглядно иллюстрирует взаимодействие «внутреннего» и «внешнего» миров персонажей, в зависимости от жанрового и стилистического контекста. Мы видим, как упомянутые миры героя оказываются в состоянии романтического противостояния («Парус» Лермонтова), карикатурного кривого зеркала («Шинель» Гоголя) поиска «устойчивой гармонии в бездействии» («Обломов» Гончарова), эскапизма и бегства в библейские идеалы («Идиот» Достоевского) или в состоянии «рыцарской» войны («Дон Кихот» Сервантеса).

Так, раздел, посвященный поэзии Державина, исследует феномен жанровой вставки в структуру литературного произведения. Наиболее показательными для Державина оказываются жанры визионерской поэзии, например, грёза, и такой поэтический жанр, как сон, исключительно разнообразный в своих формах.

Глава, анализирующая «Парус» Лермонтова, представляет собой тщательный лексический разбор стихотворения. Романтическая традиция, к которой относится и творчество поэта, создала два алгоритма действий героя: он либо порывает с миром (зла, клеветы, преследования), либо устремляется к миру мечты. Но в лермонтовском стихотворении отвергнуты обе возможности. «Он счастья не ищет и не от счастья бежит». Борис Иванюк замечает, что «образ Паруса воспринимается как самоощущение несостоявшегося и нереализованного человека, а его потребность в "буре" — как осуществление желания и самообман — утешение неопределённым "покоем"». Если продолжить игру в аллюзии и ассоциации, то «возникает производный образ "Белеет демон одинокий/ В тумане неба голубом"». В «Парусе» проявилось лермонтовское представление о человеке определённого психологического склада — «светлого демона», с которым, надо предполагать, себя идентифицировал и сам поэт.

«Шинель» Гоголя Иванюк анализирует с позиции портретов-концептов, гротескного очеловечивания мира вещей. «Если персонаж Чехова — это "человек-футляр", то у Гоголя это "человек-шинель"». Особое место в анализе отведено концепту чина. «У нас прежде всего следует объявить чин», — цитирует Борис Иванюк повесть Гоголя. Из жанровых параллелей автор обращает внимание на агиографический жанр жития. Например, парадоксально «крещение на чин» как предопределённость чина. «Видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове». Мотив застоявшегося времени характерен именно для агиографии. Нет метаморфозы, нет жанровых признаков романа воспитания, нередко включающего в себя воспитание чувств, но зато в биографии Акакия Акакиевича есть жанровая аллюзия жития, в котором избранник с малолетства

предчувствует свою божественную предопределённость, и его жизненный путь отличается аскезой и жертвенностью. История Акакия Акакиевича может бесконечно повторяться, — подчёркивает Б.Иванюк: «...И всякий Акакий Акакиевич, искушаемый дьяволом бюрократического государства, продолжит свою "шинельную" карьеру во внутренней перспективе гоголевской повести».

«Дон Кихот» Сервантеса и «Идиот» Достоевского в книге профессора Иванюка неожиданно оказались рядом. Носители «высокого стиля» князь Мышкин и Дон Кихот демонстративно противопоставляют себя миру обывательщины Испании тех времён и, соответственно, миру петербургских аристократов. «Высокое слово» оказалось жанрово близко к проповеди. Важно, что Сервантес моделирует последствия, которые могут возникнуть по вине человека, потерявшего чувство реальности. Мир представляется Дон Кихоту сплошь карнавалованным. Это аналогично «Идиоту» со его «карнавалом» в виде демонстративного сжигания денег, торгов за обладание Настасьей Филипповной и т.п. Сознание князя, как и Дон Кихота, обусловлено изначально наивным, детским взглядом на жизнь. По приезде в Россию, Мышкин оказался в мире, где, словами Достоевского, «всё навыворот». Князь пытается обратиться к тем заповедям, которые проповедует Евангельское слово, говорит, что надо «стать как дети». Однако, «навыворотная действительность» оказывается сильнее наивной проповеди. Жертвенная развязка неизбежна...

Книга профессора Иванюка охватила различные взгляды и связала их между собой через поиск жанровых аналогий. «Диалоги с г-ном Текстом», на наш взгляд, — заметное явление в современной филологии. Эта книга может быть интересна широкому читателю как образец оригинального литературоведческого анализа.

Анна ГАГАНОВА,
кандидат филологических наук

